

Юрий Малов

МОИ МОСКОВСКИЕ УЛИЦЫ

Юрий Малов

Мои московские улицы

«Э.РА»

2014

Малов Ю.

Мои московские улицы / Ю. Малов — «Э.РА», 2014

Как хорошо вы знаете Москву? Юрий Малов приглашает вас на прогулку по известным московским улицам, где он провел свое детство и юность. Во время этой книжной экскурсии он расскажет вам об историческом прошлом этих мест, сохранившихся там достопримечательностях, а также о том, как кружева этих московских улиц и переулков вплелись в судьбы его родных, друзей, знакомых. Вас ожидают увлекательные маршруты по Большой Дмитровке и Пречистенке, вы заглянете в Столешников, Печатников и Брюсов переулки, побываете на Пушкинской и Трубной площадях, пройдетесь по Страстному и Рождественскому бульварам, ознакомитесь с историей создания Мемориала на Поклонной горе. Рассказ о московских улицах и москвичах сопровождается оригинальными фотографиями Л. Ларенцовой, представляющими образцы московской архитектуры различных школ и эпох, что придает повествованию визуальный аспект и дополнительную привлекательность. Присоединяйтесь!

© Малов Ю., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

Печатников переулок	6
Трубная площадь	8
Дом, которого нет	15
Военные годы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрий Малов

Мои московские улицы

(Домашняя хроника)

«Улица – простор меж двух порядков домов»

В. Даль

«История домов подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и делают свидетелями нескольких людских поколений».

К. Паустовский

© Малов Ю.А.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Печатников переулоч

Если бы меня попросили коротко ответить на вопрос, «с чего начинается Родина», то ответил бы, что для меня она начинается в Москве с Печатникова переулка, круто спускающегося с Рождественского/Сретенского холма от Сретенки или Устретинки, – как она называлась в прошлом, к Трубно́й улице. В этом московском переулке в старом двухэтажном доме в коммунальной квартире жила моя бабушка по матери, Иванова Анна Васильевна, вместе с сыновьями Иваном и Александром, и дочерьми Марией и Антониной. Именно с этим переулком Москвы и его окрестностями связаны у меня самые счастливые и беззаботные дни моего детства.

Восторженная беготня по длинному и пахучему коридору, куда выходили все комнаты второго этажа той секции дома, где жила бабушка, многолюдные семейные сборища взрослых по праздникам в просторной бабушкиной комнате с натопленной голландской печкой, облицованной белым кафелем, незабываемые походы с сестрой Ирой и дядей Ваней в цирк на соседний Цветной бульвар, зимнее катание на санках с крутого склона Рождественского бульвара на Трубную площадь – эти отрывочные, но яркие детские воспоминания, сохранились у меня на всю жизнь. Сретенка, Печатников переулок, Трубная площадь, Цветной бульвар навсегда остались в моей памяти самыми близкими и родными улицами моей Москвы.

На вершине Рождественского/Сретенского холма, контролируя проезд и проход к центру города, когда-то стояли каменные Сретенские ворота, через которые проходила дорога, уходящая к Троице-Сергиеву монастырю и далее – к Белому морю и его главному порту Архангельску, единственному выходу допетровской России во внешний мир. По этому пути пришел в Москву Михаил Ломоносов в поисках «своих университетов». Рядом со Сретенскими воротами на Рождественском холме, где в конце XVI века печатникам была пожалована земля, стояла небольшая деревянная церковь, первое упоминание о которой относится к 1631–1632 годам.

Новая профессия печатников появилась на Руси при Иване Грозном, который в 1553 году решил наладить в Москве книгопечатание, для чего повелел построить особый дом в центре Москвы на Никольской улице в Китайгороде, вблизи Заиконоспасского монастыря, получивший название Государев печатный двор. Здесь под началом диакона Ивана Фёдорова в 1564 году была издана первая на Руси книга – «Апостол», работа над которой велась в течение года. Недалеко от того места, где находился Государев печатный двор, в октябре 1909 года был установлен памятник первопечатнику Ивану Фёдорову скульптора И. Ф. Волнухина. Первопечатник изображен во время работы, рассматривающим свежий оттиск страницы книги. В наши дни этот памятник передвинули. Теперь он стоит на пересечении Театрального и Третьяковского проездов.

В свое время для нового печатного производства потребовалось много рабочих рук. Набрали мастеровых из разных мест, обучаться печатному делу. Поселили печатников первоначально на Никольской улице, а потом перевели в слободу за Сретенские ворота, где уже существовало поселение в 60 дворов, в которых проживали представители самых разных специальностей: ветошники, плотники, скорняки, сапожники, кафтанники, седельники, сабельники, серебряники. Посредине Сретенки раскинулась обширная Пушкарская слобода, где жили пушкары (артиллеристы).

К моменту возникновения Печатной слободы за Сретенскими воротами Белого города, где печатникам была пожалована земля, начало Сретенской улицы заполняли дворы мелких ремесленников и торговцев. Вся здешняя местность, находящаяся между современной Трубно́й улицей и Костянским переулком, именовалась «за Устретенскими воротами в Деревянном городе Новая слобода». Кстати, земля в районе Костянского переулка (включая слободу печат-

ников) в начале XVII века принадлежала князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, проживавшему неподалеку на Лубянке.

У Сретенских ворот в XVII веке теснились многочисленные мясные лавки, а в районе Колокольникова переулка с 1680 года находился колокольный завод Ф. Д. Моторина, где был отлит Царь-колокол для Кремля.

Население этих мест долгое время было занято исключительно торговлей и различными ремеслами – типичной жизнью пригородных слобод Москвы. Это в определенной степени предопределило и будущую городскую планировку длинной и узкой Сретенки – с её частыми, извилистыми переулками с небольшими двухэтажными постройками на ограниченном дворцовом пространстве, где первый этаж дома занимала лавка, а на втором жили её хозяева.

Печатники поселились здесь у ручья, протекавшего во рву вдоль стены Белого города, которая проходила там, где сегодня поднимается в гору Рождественский бульвар. От этой границы дома слободы заполнили всю территорию вплоть до современного Печатникова переулка. Над слободой на вершине холма возвышалась уже упоминавшаяся церковь, чудом сохранившийся каменный вариант которой – построенной в 1695 году в царствование Петра I – дожил до наших дней. Назвали эту одноглавую церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы «в Печатной слободе у Сретенских ворот».

Приходские священники, в том числе церкви Успения Пресвятой Богородицы, вели метрические книги (регистрацию бракосочетаний, рождений и смертей) и исповедальные ведомости. По Переписной книге 1638 года в Печатной слободе в приходе этой церкви насчитывалось 27 дворов печатных мастеров (35 человек). Печатники в то время были людьми уважаемыми. Многие специальности этой профессии требовали грамотности и подлинного мастерства. Среди проживавших здесь в то время печатников были мастера самых разных специальностей. Вот, например, как выглядели некоторые положения должностной инструкции ведущих работников Печатного двора на начало XVIII века: «Должность наборщика – набирать слова, а тередорщика – печатать листы, батыйщика – ставить чернила; а у каждого стана обретаются по два наборщика, по четыре тередорщика, по четыре батыйщика – итого по десять человек, которые в деле обретаются не все, но по пяти человек с переменной, по четыре дни, с отдыхом...»¹.

Однако и в те годы отмечались определенные недостатки в «подборе кадров» печатников, среди них попадались и такие, которые, не справляясь с порученным делом, впадали, как тогда говорили, в «скорбь» – известный недуг русского человека. Все это также отмечалось в церковных документах. Историческая память сохранила нам и светское воспоминание об этой церкви. По преданию, именно в ней художник В. Пукирев наблюдал за процессом венчания знатного старца на юной невесте, что послужило ему сюжетом известной картины «Неравный брак».

¹ Храм в слободе царских печатников. История церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печатной слободе. М.: Правиздат, 2009. С.11

Трубная площадь

Крутой спуск Печатникова переулка, как помнится, на своем излете пересекал узкую Трубную улицу (называвшуюся ранее Грачевка, Грачиха) и упирался в тыльную часть легендарного здания, в котором ранее располагался известный трактир «Крым». Бывший трактир выходил своим фасадом на Цветной бульвар, а сзади его поджимала известная Трубная улица. Помните, как у А. Чехова в рассказе «Припадок»: «Приятель с Трубной площади повернули на Грачевку и скоро вошли в переулок...».

«Задолго до постройки известного ресторана «Эрмитаж» на Трубной площади, – рассказывает В. А. Гиляровский в своем очерке «На трубе», – на углу между Грачевкой и Цветным бульваром, выходя своим фасадом на Трубную площадь, стоял трехэтажный дом, в котором помещалось разгульное питейное заведение «Крым». Два верхних этажа этого здания занимал трактир второго разряда, на первом этаже находились торговые помещения, «а под ним, глубоко в земле, подо всем домом между Грачевкой и Цветным бульваром, сидел громаднейший подвальный этаж, весь сплошь занятый одним трактиром, самым отчаянным разбойничьим местом, где развлекался до бесчувствия преступный мир, стекавшийся из притонов Грачевки, переулков Цветного бульвара...»².

В 80-е годы прошлого столетия бывшее разгульное «крымское» заведение снесли, а вместо него возвели... чтобы вы думали! – Центр политпросвещения при МК КПСС, который, правда, существовал недолго, его тоже снесли. В наши дни «с благословения» городских властей на этом месте возник многофункциональный архитектурный монстр «Легенды Цветного» – 15-ти этажные стеклобетонные и кубообразные громадины которого вытянулись вдоль Цветного бульвара, исказив вид этого в целом хорошо сохранившегося исторического района Москвы, наглухо закрывая панорамный обзор города с вершин переулков, поднимающихся от Трубной улицы к Сретенке.

В наши ребяческие дни из-за тупиковой ограниченности пути потенциального инерционного скольжения с вздыбленного Печатникова переулка окрестные мальчишки и девчонки зимой предпочитали выходить кататься на самодельных санках с вершины Рождественского бульвара, лихо вылетая на пустынную Трубную площадь, которую в то время лишь изредка пересекали трамваи, идущие по линии «А» вдоль Рождественского и Петровского бульваров к Пушкинской площади и обратно. В то время, конечно, еще не было того непонятного недостроенного сооружения, которое уже многие годы угрюмо стоит у подножья Рождественского бульвара.

² В. А. Гиляровский. Москва и москвичи. Минск: Народная асвета., 1981. С.97

Спуск с Рождественского бульвара на Трубную площадь. Справа Богородице-Рождественский монастырь, основанный в 1386 году

Трудно поверить в реальность таких зимних забав, глядя на нынешнюю Трубную площадь, по которой не только прокатиться на санках, но просто перейти её, послушно руководствуясь сигналами светофоров, совсем не просто.

Эта площадь появилась как пространственный городской интервал в Бульварном кольце между Петровским и Рождественским бульварами по вертикали и Неглинной улицей и Цветным бульваром по горизонтали. Само Бульварное кольцо, как известно, замкнутым не является. Оно по широкой дуге подковой растянулось от Пречистенских до Яузских ворот вдоль исторических границ бывшего «Белого города» Москвы, названного так по цвету защитной каменной стены, сложенной из белого известняка. Эта стена, опоясывающая тогдашнюю Москву, оставляла за своей спиной посады, свободные от городских податей, в этом смысле формируя «белый» город.

Приглашение разглядеть сквозь забор фундамент основания стены Белого города висит на Покровке с 2007 года

Известно, что строительство стены «Белого города» Москвы началось в XIV веке. Такой защитный барьер сначала представлял собой простой вал и ров, а в конце XVI века – в правление царя Федора Иоанновича и Бориса Годунова – русским «горододельцем» Федором Конем по уже проложенному контуру вокруг Москвы была возведена мощная каменная стена с 28 башнями. Укрепленный посад площадью в 512 га вначале назывался Царевым, а позже – Белым городом. К XIX веку часть московских окраин, прилегающих к стенам «Белого города», были полностью поглощены Москвой, а сама стена, утратив свои защитные функции, была за ненадобностью разобрана. Напоминание об этом московском укреплении сохранилось в некоторых оставшихся наименованиях городских улиц и переулков. Но не только в них. Сравнительно недавно были обнаружены сохранившиеся фрагменты самой стены. Поднимаясь по Бульварному кольцу в районе Покровки, нельзя не заметить большую огороженную территорию со строительным котлованом, застывшую в таком виде. Объявление на ограде гласит: «Москвичи и гости столицы! За этим забором можно разглядеть единственные обозримые фрагменты Белого города – крупнейшей русской крепости, выстроенной в 1580-е гг. по указу царя Фёдора Иоанновича. Крепость была одним из важнейших рубежей битвы за Москву 1612 года». Это пояснение, именно в такой редакции, присутствует на этом месте уже не первый год. А сама неожиданная находка – 64 метра сохранившегося основания стены Белого города, произошла еще в 2007 году. Инвестор, строивший многоуровневую стоянку для автомобилей, случайно обнаружил основу стены. До сих пор изучается вопрос об «музеефикации» обнаруженного исторического памятника. Как и когда он будет решен, предсказывать не берусь.

Будем надеяться, что и в Москве случайно обнаруженная стена Белого города когда-нибудь получит официальное признание в качестве исторического памятника – туристической достопримечательности, подобно известной стене в Лондоне, возведенной римлянами и

дожившей – на радость туристам – до наших дней под заботливым присмотром городских властей.

Возвращаясь к реалиям Трубной площади, нельзя не напомнить, что названа она была по проходившему здесь водостоку – «трубе» – пролому в кирпичной стене «Белого города», через который сбрасывались воды реки Неглинной. Такой пролом в фундаментальной, шириной около 5 метров, крепостной стене сделали, как полагают, в 1586–1593 годах. Пролом был огражден с обеих сторон стены тяжелыми чугунными решетками, чтобы через «трубу» неприятель не смог ворваться в «Белый город». В позапрошлом веке всю речку Неглинную запрятали в настоящую железную трубу и убрали под землю. Укрепления «Белого города» были снесены раньше.

На Трубной площади когда-то шла оживленная торговля – шумел дровяной торг, а с середины XIX века здесь был самый популярный в Москве Птичий рынок. В начале сегодняшнего Цветного бульвара там, где стоит памятник-стела «Благодарная Россия, солдатам правопорядка, погибшим при исполнении служебного долга», увенчанная статуей Георгия Победоносца, в прошлом был цветочный базар, где продавали цветы, саженцы деревьев, цветочную рассаду, что и предопределило наименование этого бульвара.

Описание Трубной площади будет неполным, если не упомянуть еще два исторических памятника, находящихся по обеим её сторонам.

Там, где Трубная площадь переходит в Рождественский бульвар, поднимающийся вверх по склону холма, у его начала с правой стороны бросается в глаза выступающая углом кирпичная ограда, из-за которой видны трехъярусная колокольня и купола стоящих рядом нескольких храмов. Это – Богородице-Рождественский женский монастырь, основанный в 1386 году княгиней Марией Серпуховской, матерью героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского (Храброго). Монастырь был основан ею в память воинов, «за веру и отечество живот свой положивший». Место для монастыря было выбрано на склоне холма, на берегу реки Неглинка. Первыми сестрами этой обители стали вдовы погибших на Куликовом поле. А погибших было много. По свидетельству летописца, лишь третья часть русского войска вернулась с поля боя.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы «в Печатной слободе у Сретенских ворот»

Вся дальнейшая судьба этого древнего монастыря была тесно связана с историей Москвы и становлением и развитием российского государства. Пережил монастырь и все напасти, которые выпали на его долю после Октябрьской революции 1917 года.

В 1922 году он был официально закрыт, с территории обители были выселены 788 монахинь, а из храмов изъяты церковные ценности. Помещения монастыря были отданы под коммунальные квартиры, в одном из храмов разместился клуб, в другом общежитие. Только в 1989 году храм Рождества Пресвятой Богородицы был возвращен Русской Православной церкви, а в 1993 году Патриархом и Священным Синодом было принято решение о возрождении монашеской жизни в древней московской обители. В 2006 году храмы-памятники Московского Богородице-Рождественского женского монастыря включены во всероссийский проект «Золотое кольцо»³.

Если перенестись по прямой линии от этого монастыря на другой конец Трубной площади, где в неё впадает Петровский бульвар (д.29/14), то здесь находится еще одна историческая достопримечательность этих мест – здание, в котором много лет функционировал один из лучших ресторанов Москвы – «Эрмитаж». Ресторан принадлежал купцу Якову Пегову и французскому повару Люсьену Оливье. Спонтанно возникшее товарищество – совместное предприятие русского и француза, начало свою деятельность с покупки расположенного на этом месте питейного заведения под бытовавшим тогда названием «Афонькин трактир» вместе с участком прилегающей земли. Затем два компаньона заказали проект здания своего нового ресторана у известного московского архитектора М. Чичагова, который к тому времени уже построил в Москве несколько строений, в частности – театр Корша в Петровском переулке. Открытие ресторана состоялось в 1864 году, и вскоре роскошные интерьеры нового заведения,

³ Любовь и единение. Очерк истории Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря. М.: Отчий дом. 2009. С.35

изысканная французская кухня сделали этот ресторан модным московским местом. По словам В. Гиляровского, это заведение поражало посетителей «белоколонными залами, отдельными кабинетами, зеркалами, люстрами и дворцовой роскошью отделки и мебели». Но не только своим внутренним убранством славился этот ресторан. «Главной достопримечательностью кухни «Эрмитажа», – писал Гиляровский, – был изобретенный хозяином салат необычайно тонкого вкуса – «салат Оливье»».

Бывший ресторан «Эрмитаж», ныне театр «Школа современной пьесы» на Трубной площади

Кто только не был посетителем этого ресторана в позапрошлом веке. Здесь чествовали Достоевского и Тургенева. Посетителями этого ресторана были по разным поводам и обстоятельствам: Чайковский и Шаляпин, Тимирязев и Салтыков-Щедрин, Чехов и Сербский, Сеченов и братья Васнецовы, а М. Горький праздновал в нем успех своей пьесы «На дне», впервые поставленной в МХАТе.

При нэпе была предпринята попытка возродить былую славу ресторана, но вместе с новой экономической политикой она оказалась несостоятельной. После этого здесь размещались различные конторы, Дом крестьянина, кинотеатр. В конце концов, дом передали в ведение Министерства высшего образования СССР, которое «приютило» в нем одно из своих издательств и Главное управление университетов.

В 1989 году это здание занял театр «Школа современной пьесы». За прошедшее время старинный дом претерпел определенные «возрастные» перемены. Несколько изменилась внутренняя планировка и отделка, с крыши здания исчезли вазы и башенка, а с фасада два балкона из трех, но в основе своей дом сохранял оригинальную конструкцию и, в значительной части, лепнину внутренних помещений.

Однако 3 ноября 2013 года в этом здании, к несчастью, вспыхнул пожар. Незадолго до начала дневного детского спектакля было замечено небольшое возгорание за кулисами сцены. Работники театра быстро справились с ним с помощью огнетушителей. Тем не менее, было принято мудрое решение – отменить спектакль. В то время, когда публика покидала театр, как потом выяснилось, огонь незаметно по деревянным перекрытиям распространялся по всему зданию. Быстро приехавшие пожарники были уже не в силах помешать разбушевавшейся стихии. Рухнули перекрытия большого зрительного зала. Как сказал посетивший пожарище представитель мэрии: «Восстанавливать тут нужно всё»⁴. Так, к сожалению, погиб еще один исторический памятник Москвы.

Трубная площадь, Печатников переулок, именно с этим уголком Москвы, естественно не в её современном градостроительном оформлении, а так, как он выглядела в середине прошлого века, связаны мои самые теплые и светлые воспоминания детства.

⁴ Я. Смирницкий. Над сгоревшей «школой» возведут каркас. М.: Московский комсомолец, 6 декабря 2013 г.

Дом, которого нет

Неказистый, двухэтажный дом, где жила моя бабушка, начинался на углу Трубной улицы и Печатникова переулка на нечетной его стороне, и тянулся высоко вверх по крутому склону поднимающегося холма. Дом под номером 1/4 был дореволюционной постройки, с печным отоплением и вечно протекающей крышей. Чтобы войти в бабушкину квартиру, нужно было подняться по переулку вверх по склону холма к единственному подъезду этого дома. С этого места уже открывалась панорама Москвы с куполами церквей Высоко-Петровского монастыря на первом плане. Внутри обшарпанного подъезда один небольшой лестничный пролет со стертыми каменными ступенями вел вверх на второй этаж к жилым помещениям, а другой, еще менее презентабельный и темный, вниз к кладовкам, где хранились дрова.

Номер квартиры не помню, но именно здесь, на втором этаже этого дома, и жила моя бабушка по матери – Иванова Анна Васильевна, крестьянка из Тверской губернии, приехавшая восемнадцати лет от роду в 1908 году в Москву на заработки.

Сегодня дома номером 1/4 по Печатникову переулку уже нет. Этот переулок теперь начинается с неопрятного пустыря, где вроде бы собираются строить подземный гараж. Бабушкин дом снесли в начале нынешнего века одновременно с соседним домом № 3 и поставили на этом месте новое здание № 3 – 5-ти этажный «клубный» дом «класса люкс» с мансардами, подземным гаражом, системой внешнего наблюдения и другими модными современными «прибамбасами», но при этом, как уверяют, «с частично сохранинным старинным фасадом». Какого дома – не уточняется. От бывшего небольшого дворика, куда выходили окна бабушкиной комнаты, пока случайно сохранилось лишь одно дерево, печально стоящее на крошечном пустыре на задворках нового дома.

Печатников переулок сегодня

Вольно или невольно «клубное» здание, также как и комплекс «Легенды Цветного», нарушают существовавшую в этих местах гармоничную созвучность высотной и объемной соразмерности окружающих строений.

Новый дом № 3 выглядит несуразно большим и совсем не по месту на подъеме Печатникова переулка. Помнится, раньше за бабушкиным домом, прижимаясь вплотную, одним этажом выше поднимался старый дом № 3, за которым следовал дом № 5, еще приподнимаясь на один этаж. На вершине переулка этажность здания зрительно уже не воспринималась так резко. Миниатюрный дом «с кариатидами» П. Сысоева (№ 7) не нарушал логику предшествующего ступенчатого порядка домов, поднимающихся в гору.

Потомственная крестьянская труженица, Анна Иванова не только сумела найти себе работу по приезду в Москву, но и вышла замуж за работающего Александра Парусова. Брак, к сожалению, оказался недолговечным. Вскоре после рождения сына Ивана первый бабушкин муж заболел и умер. Однако жизнестойкая крестьянская дочь не пала духом. С ребенком на руках продолжала работать и вторично вышла замуж за Александра Иванова, дворника одного из домов в Печатниковом переулке. После революции хозяева двухэтажного дома в этом переулке затерялись в бурном водовороте потрясений тех лет, освободив второй, «хозяйский» этаж этого дома. Новые квартиранты, вселившиеся туда, сделали это, вероятно, самовольно, а может быть – и с разрешения новых местных властей. Они заполнили второй этаж этого дома – пять комнат бывшей хозяйской квартиры, объединенных одним общим коридором. Ивановым, как семье дворника этого дома с четырьмя детьми, досталось в этой квартире три комнаты, правда, одна из них была темная, с так называемым, «фонарем» – окном, выходящим на чердак, обрезающим эту комнату на сумеречное чердачное освящение. К тому времени семья Ивановых состояла из 6 человек. Бабушка родила от второго мужа двух дочерей – Антонину с Марией, и младшего сына Шуру. Однако и со вторым мужем Анне Васильевне не повезло. Он вскоре умер от онкологического заболевания. Своих четверых детей она поднимала в одиночку.

Неграмотная крестьянка, недавно попавшая в большой город, без помощи родных и знакомых, в сложные послереволюционные голодные годы сумела прекрасно справиться со своими родительскими обязанностями. Все её дети выросли здоровыми полноценными гражданами своей страны, получили образование, овладели различными специальностями, уверенно вошли в самостоятельную жизнь. Её старший сын Иван Парусов перед войной был кадровым военным, офицером. Младший Шура работал в Москве на авиационном заводе. Две дочери – Антонина и Мария – служили секретаршами в государственных учреждениях. В середине 30-х годов Иван и Шура женились, а Антонина вышла замуж.

Муж Антонины – мой отец, Малов Александр Васильевич, родился и вырос в подмосковном городе Орехово-Зуеве, в семье, которая традиционно работала на местной текстильной фабрике. О детстве и юности его мне, к сожалению, почти ничего не известно. В те годы рассказывать о прошлом было не принято. В Орехово-Зуеве у него оставались старшие брат и сестра. Связи с ними он не поддерживал. К концу жизни несколько раз порывался съездить на родину, но так и не собрался. Александр Малов в 20-е годы работал в комитетах бедноты, в основном, в Рязанской губернии. В 1926 году стал членом ВКП(б). Поступил на исторический факультет МГУ, где проучился только три года. По призыву партии оставил учебу и приступил к работе в партийных органах в сельских районах центральной России. О своей партийной работе ничего не рассказывал. Однако часто повторял, что сохранил свою жизнь в период репрессий середины 30-х годов, только потому, что под разными предложениями отказывался от повышения по службе, когда ему это предлагали. В 1941 году пошел добровольцем на фронт. По его словам, два раза ходил в штыковую атаку, но в 1944 году его отозвали из действующей армии и направили на работу в московский аппарат КГБ. Этот переход он приписывал своему умению правильно писать «бумаги» и приводил его мне в пример, когда хотел пояснить важ-

ность «бумаготворчества» в нашей жизни. Из КГБ – не знаю, каким образом – его перевели на работу в Международный отдел ЦК КПСС в 1944 или 1945 году, когда этот отдел впервые формировался в аппарате ЦК партии. Через несколько лет ему пришлось покинуть это место по причине отсутствия законченного высшего образования. После этого он проработал два года в качестве заведующего секретариатом газеты «За прочный мир, за народную демократию», печатного органа международного коммунистического движения, редакция которой в то время находилась в Бухаресте (Румыния). Возвратившись в Москву, он устроился на работу в качестве старшего научного сотрудника в Институт марксизма-ленинизма, отсутствие диплома о высшем образовании здесь роли не играло.

Мои родители после моего рождения получили государственную, – как тогда говорили, – «жилплощадь» – две комнаты в коммунальной квартире по адресу: Пушкинская улица (Большая Дмитровка), дом 22, квартира 15. Бабушкины сыновья – Иван и Шура с женами продолжали жить в квартире со своей матерью в Печатниковом переулке: каждая семья в отдельной комнате. Оставшуюся третью комнату с голландской печкой, облицованной белым кафелем, занимала бабушка вместе со своей младшей дочерью Марией. Однако бабушка только ночевала в этой комнате. Каждый день она приходила к нам на Пушкинскую, где вела домашнее хозяйство: готовила обеды, отоваривала карточки и присматривала за мной. Родители уходили на работу рано утром и возвращались поздно вечером.

Бабушка была человеком простым, малограмотным. Она не кончала никаких учебных заведений. Тем не менее, сама научилась читать и писать, по-своему здраво разбиралась в текущих событиях, происходящих в стране. Анна Васильевна обладала сильным характером и была волевой натурой, твердо знающей, что хорошо, а что плохо для её семьи без каких-либо интеллигентских колебаний и сомнений. Вероятно, это во многом объяснялось её религиозностью. Она строго соблюдала все церковные предписания и обряды, регулярно посещала церковь. Бабушка тайком от родителей не только крестила всех своих внуков, но и знакомила нас, как умела, с основами религии, важными церковными датами, постоянно приносила домой освященные просvirки и воду, обязательно пекла куличи и красила яйца на Пасху. Своим детям и внукам она все прощала, чтобы они ни натворили, но во взаимоотношениях с «чужими», к которым в ряде случаев она относилась своих невесток и зятя, была строга и требовательна. Семейные разборки бабушки с женами Ивана и Шуры тянулись месяцами, если не годами. Не раз при мне она своим демонстративным поведением выказывала моему отцу свое порицание его «некачественного», с её точки зрения, отношения к выполнению своих семейных обязанностей.

Однако все перипетии сложных взаимоотношений внутри семейного клана Ивановых-Парусовых-Маловых меня тогда, естественно, мало волновали. Я их просто не понимал и не обращал на них внимание. До меня урывками доходили фрагменты критики бабушки поведения Муси – жены Ивана Парусова или Зои – жены Шуры Иванова, которыми она делилась с моей матерью по вечерам. На неизбежные в существовавших бытовых условиях «трения» между родственниками я стал обращать внимание, когда стал постарше.

До войны Ивановы-Парусовы всегда в полном составе собирались по праздникам в Печатниковом переулке в большой бабушкиной комнате с голландской печкой. Для меня эти праздничные сборища были одним из самых любимых событий детства. Дочка Парусовых – Ирина и я были в центре внимания взрослых. Правда, был один момент в этих праздничных церемониях, который мне не нравился. Ирину и меня всегда заставляли выступать перед собравшейся компанией. Ира – моя ровесница, с видимым удовольствием, потряхивая косичками, с выражением читала какое-нибудь длинное стихотворение. Мне приходилось напрягаться, чтобы сделать что-то подобное, причем без всякого удовольствия. Иногда Иван Александрович Парусов разыгрывал меня. Например, объявлял, что сейчас он покажет фокус, для чего необходимо хорошо размять листок бумаги. Давал мне бумажку, которую я под общий

хохот старательно разминал. Затем он брал у меня эту бумажку, складывал и убирал себе в карман, объявляя, что он использует её по назначению, а фокус покажет в другой раз. Тогда я действительно не понимал, почему все смеялись, и каким целям должна была служить размятая мною бумажка. Но Ивану Александровичу все прощалось. С ним, а не с родителями, связаны мои первые детские радости: походы в цирк на Цветном бульваре, катание на санках с крутого спуска Рождественского на Трубную площадь. Автомобильного движения в то время практически не было, а трамвай («Аннушка»), ходивший по Бульварному кольцу, не мешал зимним забавам детворы. Эти довоенные картинки детских радостей хорошо сохранились в моей памяти. Шрам на большом пальце левой руки напоминает, как я по-взрослому пилил дрова с дядей Ваней для бабушкиной печки. В бабушкином доме было индивидуальное печное отопление. Тогда я ухитрился подставить свой палец под лезвие двуручной пилы. На всю жизнь запомнилась мне и поездка к дяде Ване в подмосковные Петушки, где стояла его воинская часть. Помню, какими нежно-мягкими были губы его ездовой лошади, когда она брала у меня сахар с раскрытой ладони.

Военные годы

Хотя родители получили две комнаты в коммунальной квартире на Пушкинской улице в 1935 году, мои воспоминания о жизни здесь связаны больше всего с военным временем и послевоенным периодом, когда я стал постарше.

Война застала нас с бабушкой в Серебряном бору, который тогда считался отдаленным от Москвы дачным местом. У нас там была комната в одной из дач, полученная от работы моих родителей. Помню, как, проснувшись утром, увидел бабушку, стоящую на коленях. «Что ты делаешь, бабушка?» – спросил я. «Война, сыночек! Началась война», – крестясь, ответила бабушка. Нас с бабушкой вскоре вывезли в Москву, которую тогда начала бомбить немецкая авиация.

Сохранились отрывочные воспоминания, как меня, сонного, таскали в бомбоубежище в подвале дома, либо в ближайшее метро, когда по радио объявлялась воздушная тревога.

Смутно, как отрывки сновидений, всплывают у меня разрозненные картинки нашего отъезда из Москвы в эвакуацию в Барнаул в октябре 1941 года. Длительная дорога в набитом людьми железнодорожном вагоне медленно двигавшегося поезда, с частыми остановками на незнакомых станциях и полустанках, где главной задачей пассажиров была наполнить чайники или бидоны кипятком. Во время каждой остановки поезда взрослые обязательно бросались с пустой посудой к станционным постройкам, где находился титан с кипятком, которым можно было наполнить нужную емкость бесплатно, отстояв длинную очередь. Кипяток служил своеобразным суррогатом горячей пищи во время длительной железнодорожной поездки. Запомнился вокзал Новосибирска, где нам предстояла пересадка на поезд, идущий в Барнаул. На перрон вокзала выгрузили наши вещи – три или четыре чемодана и бабушкину швейную машинку. На эту кучу вещей посадили меня и велели сидеть смирно, никуда не отлучаться. Мама с бабушкой ушли оформлять билеты. Весь перрон был полностью завален чемоданами, тюками, кругом были незнакомые, куда-то спешащие люди. Одним словом, вокруг было незнакомое и пугающее окружение. Стало страшно, я заревел в голос и отправился искать маму. Хорошо, что далеко уйти не успел. Меня перехватила во время вернувшаяся мама. Как доехали до Барнаула – не помню. Но Барнаул меня поразил деревянными тротуарами вдоль городских улиц и белыми булками-сайками, которые продавались свободно, без карточек. Правда, через несколько дней они из продажи исчезли, и хлеб, как и в Москве, стал продаваться только по карточкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.